

И.А. Ковалёв

РОМАНОВЫ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Илья Ковалев

**Романовы на фронтах
Первой мировой**

«ВЕЧЕ»

2016

Ковалев И. А.

Романовы на фронтах Первой мировой / И. А. Ковалев —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4444-8776-1

Участие в Первой мировой войне ближайших родственников последнего российского императора долгие годы замалчивалось в отечественной истории. Предлагаемая читателям книга рассказывает об обстоятельствах службы князей Романовых на различных фронтах войны. Автор, используя архивные документы, описывает их подвиги, ранения и случаи гибели.

ISBN 978-5-4444-8776-1

© Ковалев И. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Часть 1. На фронте в Восточной Пруссии	8
Дмитрий Павлович (1891–1942)	9
Письма	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Илья Ковалев
Романовы на фронтах Первой мировой

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Цель нашего исследования – осветить одну из забытых сторон войны – участие в ней ближайших родственников Императора, князей Романовых. Российская историография до сих пор не уделяла внимания этой теме. Сразу после революции новой властью были приняты меры, предназначенные для дискредитации семейства Романовых. В том числе были выборочно опубликованы дневники Николая II, Александры Федоровны, великого князя Андрея Владимировича, переписка между некоторыми членами Императорской фамилии и т. д. Разумеется, эти издания были политически ангажированы и сопровождались «разъяснительными комментариями». В дальнейшем тема участия в войне членов правящего дома России в советской историографии не поднималась. На современном этапе развития науки вновь стало возможным обратиться к этому вопросу. Однако пока изыскания историков ограничиваются статьёй калининградского краеведа К. Пахалюка «Романовы на фронте в Восточной Пруссии». Знакомство с этой статьёй стало отправной точкой создания этой книги. Помимо исследований стоит отметить ряд публикаций источников, осуществлённых историками в последние годы. Ссылками на них читатель может ознакомиться в Приложении.

Книга основана на документальном материале – воспоминания, письма, донесения, что позволяет читателю проникнуть в атмосферу описываемой эпохи.

Представленная вниманию читателей работа лишь первый шаг в изучении темы – попытка собрать воедино разрозненную информацию и обозначить направления исследования. Это приглашение к разговору о людях и событиях, произошедших сто лет назад. Надеемся, что книга будет интересна любителям истории и привлечёт внимание к истории Первой мировой войны.

Автор выражает искреннюю благодарность людям, оказавшим неоценимую помощь в работе: своим родителям, С. Хребтищеву, А. Хребтищевой, Е. Хребтищеву, К. Окорокову, С. Гуанумену, Г. Шпаку, М. Лямся, Г. Рыковой, Д. Посулько, В. Серопьяну, А. Соловьёвой, Д. Вишневецкой, В. Кошелевой и W. Baetson. Отдельную благодарность автор выражает своему научному руководителю д.и.н. профессору В.Н. Ратушняку.

Введение

В 1613 г. на российский престол вступил Михаил Фёдорович – первый монарх из династии Романовых. В 1913 г. страна на официальном уровне праздновала 300-летие своей династии. На протяжении трёх веков Россия прошла через множество войн – русский солдат дрался со шведами, турками, персами, кавказцами, наполеоновской «армией двенадцати языков», в которую вошли представители многих народов Европы, японцами, англичанами и т. д. Однако самое тяжёлое испытание было впереди.

Монархи из династии Романовых уделяли большое внимание развитию вооружённых сил страны и нередко сами возглавляли армии. Так командовал войсками Пётр I при Полтаве, Александр I при Аустерлице и т. д. Будучи наследником престола, Александр III командовал Рушукским отрядом во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Великие князья (родственники монарха, не занимающие престол) тоже часто занимали командные должности, например Николай Николаевич Старший был главнокомандующим действующей армией на Балканах во время войны с 1877–1878 гг.

Император всегда являлся главнокомандующим русской армией, однако постепенно это звание становилось формальным – монарх поручал управление армией одному из старших офицеров армии. Каждый наследник престола получал блестящее военное образование и вполне мог командовать войсками. Однако развитие искусства войны, усложнение военной техники и тактики требовало чёткого функционирования транспортной системы и снабжения – одним словом, упорядоченного тыла. Поэтому император концентрировал своё внимание на гражданском управлении, делегируя полномочия главнокомандующего наиболее подходящему офицеру. Именно так обстояло дело во время военных конфликтов XIX в. Только в 1915 г. император Николай II отправился в действующую армию как Главнокомандующий. Этот шаг оценивается неоднозначно. Но если отказаться от предвзятости, то мы увидим два последствия: с одной стороны, отступление армии было остановлено, с другой – неразбериха в тылу спровоцировала революцию. Деятельность последнего императора на высшем военном посту в годы Первой мировой войны слабо освещена и требует отдельного исследования. В этой книге мы рассмотрим участие в войне ближайших родственников царя.

Помимо царя, его жены, детей, матери, брата и сестёр Дом Романовых включал большое количество князей и княжон – потомков императоров Николая I и Александра II. Предвидя быстрое разрастание императорской фамилии и желая избежать экономических трудностей (великие князья получали содержание из удельных земель), равно как и трудностей, связанных с поддержанием престижа (было бы тяжело обеспечить должное исполнение членами рода многочисленных норм и правил), Александр III издал указ, разграничивающий статус потомков русских императоров. Согласно этому указу титул Великого князя или княжны могли носить только дети и внуки царствовавшего императора. Потомки в 4-м поколении получали титул князя крови императорской. К 1916 г. династия насчитывала 30 членов мужского пола.

По сложившейся традиции каждый мужчина из рода Романовых получал военное образование и делал карьеру в одном из родов войск. Однако некоторые князья тяготились воинской службой и отчислялись из действующих частей в Императорскую Свиту. Несмотря на военное образование, некоторые из них посвящали свою жизнь невоенным занятиям. Так, например, великий князь Николай Михайлович был историком и энтомологом, Пётр Михайлович – архитектором, Георгий Михайлович – нумизматом. Ко дню объявления войны князья имели самые разные воинские звания: от корнетов до генералов. Такой разброс объясняется, в первую очередь, разницей в возрасте князей: в 1914 г. были живы 3 поколения Романовых: дяди царя, его двоюродные братья и племянники. 1 августа 1914 г. Германская Империя объявила войну Российской Империи. Началась Первая мировая война.

Часть 1. На фронте в Восточной Пруссии

Германский план Шлиффена предусматривал молниеносный разгром Франции с последующей переброской всех сил на Восток – против России. Немцы рассчитывали на то, что слабая инфраструктура не позволит русской армии провести мобилизацию быстрее чем за месяц. Однако мобилизацию удалось провести намного быстрее. Русское командование решило нанести удар по Восточной Пруссии, чтобы заставить немцев оттянуть свои войска с Запада и предотвратить разгром Франции.

Дмитрий Павлович (1891–1942)

Дмитрий Павлович был вторым ребёнком великого князя Павла Александровича и внуком Александра II. Николаю II он приходился двоюродным братом. Его мать, великая княгиня Александра Георгиевна¹, умерла во время родов. Через некоторое время его отец вступил в брак с разведённой О.В. Пистолькорс (урождённой Карлович)², за что был лишён чина и выслан из России приказом императора. Дмитрия и его старшую сестру Марию отдали на воспитание в бездетную семью в. кн. Сергея Александровича³ и Елизаветы Фёдоровны⁴. В 1905 г. в разгар революционного террора Сергей Александрович, занимавший должность московского генерал-губернатора, был убит террористом Каляевым. Елизавета Фёдоровна после гибели супруга целиком посвятила себя духовно-религиозной деятельности. Интересной подробностью является то, что вместе с Сергеем Александровичем могли погибнуть и юные Дмитрий и Мария. В день, на который первоначально было запланировано покушение, они возвращались из церкви в одной карете. Б. Савинков должен был дать отмашку бомбометателям, но, увидев в карете детей, не сделал этого. Позже, в эмиграции он даже хотел через общего знакомого устроить встречу с Марией Павловной, однако муж великой княгини был категорически против этой встречи, и она не состоялась⁵. После успешного покушения на их опекуна брата и сестру на воспитание в свой дом взял сам император. Вскоре Мария Павловна была выдана замуж за шведского принца Вильгельма и надолго уехала из России.

Дмитрий Павлович всегда был любимцем царя и его семьи. В 1912 г. состоялась помолвка Дмитрия Павловича с дочерью императора великой княжной Ольгой Николаевной. Однако помолвка оказалась расстроеной из-за противодействия императрицы Александры Фёдоровны, вызванного антипатией Дмитрия Павловича к Григорию Распутину. Во время Первой мировой войны существовали планы брака между Ольгой Николаевной и румынским принцем, будущим королем Каролом II, однако великая княжна отвергла возможность такого брака. Некоторые исследователи считают, что отказ Ольги был мотивирован тем, что она была по-прежнему предана Дмитрию.

¹ Великая княгиня Александра Георгиевна (1870–1891). Дочь короля Греции Георга I и великой княгини Ольги Константиновны. Вступила в брак с великим князем Павлом Александровичем в 1889 г. В 1890 г. у них родился первенец – великая княгиня Мария Павловна, а в 1891 г. беременная Александра Георгиевна скончалась от последствий несчастного случая. Врачи успели спасти младенца – великого князя Дмитрия Павловича.

² Княгиня Ольга Валериановна Палей, графиня фон Гогенфельзен (урождённая Карнович, в первом браке фон Пистолькорс; 1865–1929). Вступила в связь с Павлом Александровичем и родила ему сына Владимира в 1897 г., что привело к разрыву с супругом. Николай II не дал согласия на морганатический брак великого князя Павла, однако это не помешало паре тайно обвенчаться за границей в 1902 г. Супруги остались жить за границей. В 1904 г. баварский принц-регент Луитпольд даровал Ольге Пистолькорс, её сыну Владимиру и новорождённой дочери Ирине (1903–1990) титул графов фон Гогенфельзен. В 1908 г. Николай II разрешил всей семье вернуться в Россию, а в 1915 г. пожаловал графине Гогенфельзен и уже трём её детям от великого князя (к этому времени родилась ещё и дочь Наталья) княжеский титул под фамилией Палей. В годы Первой мировой войны Ольга Валериановна активно занималась благотворительностью и была Председательницей Совета Всероссийского общества помощи военнопленным. Эмигрировала.

³ Великий князь Сергей (Сергий) Александрович (1857–1905) – пятый сын Александра II; Московский генерал-губернатор. Военный и политический деятель. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Учредитель Императорского Православного Палестинского общества. Покровитель многочисленных благотворительных учреждений. Погиб от бомбы террориста Каляева.

⁴ Елизавета Фёдоровна (при рождении Елизавета-Александра-Луиза-Алиса Гессен-Дармштадтская, в семье её звали Элла, официально в России – Елисавета Феодоровна; 1864–1918) супруга великого князя Сергея Александровича. Старшая сестра императрицы Александры Фёдоровны – супруги Николая II. После гибели мужа основала Марфо-Мариинскую обитель Милосердия, занималась благотворительностью, вела подвижническую жизнь. Убита большевиками в Алапаевске. Канонизирована Православной Церковью.

⁵ Воспоминания. Издатель Захаров. Москва; 2004. В своих воспоминаниях великая княгиня приводит именно такую версию первого неудачного покушения. Сам Савинков в воспоминаниях указывает на то, что, увидев в карете князя детей, не решился бросить бомбу сам Каляев (см.: *Савинков Б.* Воспоминания террориста).

Дмитрий Павлович получил домашнее образование и поступил в престижную Офицерскую кавалерийскую школу. После выпуска в 1911 г. он был зачислен в ряды лейб-гвардии Конного полка. Однако рутинная служба не увлекала молодого князя, и он много времени проводил в путешествиях по Европе и развлечениях. Службе препятствовало и слабое здоровье – как и многие члены Дома Романовых, он страдал от болезней лёгких.

В 1912 г. Дмитрий Павлович отправился на 5-е Олимпийские игры во главе русской команды по конному спорту. Русские спортсмены никаких наград не завоевали, подготовка к играм была ещё полулюбительской, и Россию представляли в основном офицеры-кавалеристы, а не профессиональные спортсмены. Игры проходили в столице Швеции Стокгольме, и Дмитрий Павлович смог встретиться со своей сестрой Марией, жившей там. В течение всей жизни брат и сестра оставались очень близки, а многочисленные злоключения только спланивали их ⁶.

В 1913 г. Дмитрий Павлович открыл 1-ю русскую Олимпиаду в Киеве, будучи её председателем. Князь Гавриил Константинович, приглашённый на открытие, так описывал его и поведение великого князя Дмитрия:

«Я поехал с Дмитрием на открытие первой Русской Олимпиады. Оно было очень торжественно и началось с молебствия в присутствии генерала Иванова и киевских властей. После молебна спортивные организации, киевские кадеты и гимназисты проходили перед Дмитрием церемониальным маршем. Предварительно мы с Дмитрием обошли их фронт, и Дмитрий с ними здоровался. Меня очень интересовало, как Дмитрий будет благодарить за прохождение киевских гимназисток. Он вышел из этого трудного положения, сказав им: «Хорошо ходите!»

Дмитрий громко, во всеуслышание объявил об открытии первой Русской Олимпиады. Дмитрию было тогда двадцать два года, но он держал себя как старый и опытный великий князь. Он совсем не стеснялся и чувствовал себя как рыба в воде...

Дмитрий был очень способным человеком и председательствовать на Олимпиаде ему было совсем не трудно. Он свободно разговаривал с посторонними людьми, которых ему представляли»⁷.

10 июля 1914 перед самым началом войны великий князь принял участие в императорском смотре на Военном поле в Красном Селе. Тогда многие ещё не верили в возможность войны, и Дмитрий Павлович собирался отправиться в Киев открывать 2-ю Российскую Олимпиаду, однако объявление мобилизации разрушило эти планы⁸.

Великая княгиня Мария Павловна вернулась в Россию после расторжения своего брака. Она вспоминает о том, как брат собирался на войну:

«Неизбежность войны стала очевидной. Я страшилась этого, прежде всего опасаясь за Дмитрия. Как только вышел приказ о подготовке мобилизации, я переехала в Петербург, чтобы быть рядом с ним. Мне было невыносимо тяжело видеть его занятым военными приготовлениями, я с почти материнской нежностью смотрела на его мальчишечью фигуру, юное лицо.

Несмотря на энтузиазм, который он разделял вместе со всеми, к тому, что ожидало, он относился крайне ответственно. В его поведении не было никакой бравады. Надо признаться, я еще никогда не видела его столь серьезным. Эти тревожные дни мы проводили вместе, утешая и поддерживая друг друга, наша дружба вновь стала сердечной, как в детские годы. Наши беседы то были исполнены печали, то склонялись к шуткам»⁹.

Как и все члены династии, находившиеся в столице, великий князь принял участие в торжественном молебне в Зимнем дворце по случаю объявления войны.

⁶ Лобаикова Т.А. Дом Романовых: биобиблиографический иллюстрированный указатель. – М.: Издательство «Река Времени», 2008. – С. 515.

⁷ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 178–183.

⁸ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 213.

⁹ Воспоминания. Издатель Захаров. Лицензия ЛР № 065779 от 1 апреля 1998 г; Москва; 2004.

Через несколько дней князь вместе с полком отправился на фронт. Уже 25 июля конная гвардия прибыла на станцию Пильвишки, недалеко от г. Владиславова. Прибыв на фронт, полк начал действовать в составе 1-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием генерала Казнакова, которая, в свою очередь, входила в состав 1-й армии генерала П.К. фон Ренненкампа. 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии вместе с 1-й Отдельной кавалерийской бригадой входили в состав конной группы генерала Хана Нахичеванского и составляли правый фланг 1-й армии¹⁰.

3 августа конная группа перешла государственную границу с целью обхода северного фланга германской 8-й армии. Соединение должно было пройти к переправам через реку Инстер, форсировать её и двигаться далее в направлении на г. Истенбург. Однако выполнить этот приказ сразу оказалось невозможным – началось наступление немецкой усиленной 1-й пехотной дивизии на г. Эдкунен, и русская конница увязла в затяжном бою. Опоздание с переходом границы в первый день наступления, медленное продвижение с боем 3–4 августа и слишком растянутый маршрут привели к тому, что конница продвинулась лишь наравне с пехотой и обхват частей противника не удался. Причём наступающие в авангарде русские частями оторвались от 1-й отдельной кав. бриг. и 54-й пех. див., которые должны были обеспечивать охрану правого фланга наступления. 4 августа генерал Хан Нахичеванский получил сведения о том, что в г. Пилькаллен находится вражеская 2-я конная дивизия, и приказал атаковать город. При этом конногвардейцы попали под артиллерийский обстрел. Вспоминает офицер кирасирского полка Г. Гоштовт:

«В это время к нам подъехал вольноопределяющийся 3-го эскадрона Мельников, посланный с донесением к командиру полка. Во время разговора с ним, неожиданно бухнуло два артиллерийских выстрела; близко из кустов по другую сторону дороги, показались два огонька, и затем немедленно над нами разорвались две шрапнели; будто горох посыпались кругом пули.

Моя нервная кобыла чуть не опрокинулась от неожиданности. Мы съехали с холма. У Мельникова и Кобзаря были ранены лошади; самих их также легко царапнуло. Карапекину пуля порвала крыло седла. Немцы беглым огнём покрыли холм, где мы только что стояли, предполагая, видимо, на нём наблюдательный пункт.

Я немедленно послал Дервеля с устным донесением о местоположении, до дерзости близко подъехавшего, неприятельского артиллерийского взвода.

Конногвардейцы и пристраивающиеся к ним кавалергарды в рассыпном конном строю пошли в его направлении. Немецкая артиллерия перенесла на них свой огонь. Вынесшийся впереди эскадрона Е.В. Конной Гвардии, великий князь Дмитрий Павлович окутался весь облаком разорвавшейся шрапнели. Его лошадь повалилась на землю. Великий князь вскочил на ноги; – к счастью осколки и пули шрапнели его не задели. Цепи нашего полка также перешли наступление.

Немцы быстро начали отступать. Посланные за ними разъезды сообщили об их спешном отходе по направлению к городу Пилькаллен»¹¹.

Пилькаллен был взят. 5 августа конный отряд столкнулся с немецкой самокатной ротой 2-й пех. див. 6 августа части получили приказание двигаться к переправе через р. Инстер по направлению на г. Истенбург, однако выполнить этот приказ сразу оказалось невозможно. Противник занял оборону в районе г. Краупишкен, прикрывая подступы к переправе. Именно здесь начался упорный 6-часовой бой, вошедший в историографию как Каушенское сражение.

Каушенское сражение стало наверное самым известным боем русской гвардейской кавалерии в течение Первой мировой войны. Позже, в эмиграции, многие участники боя написали

¹⁰ Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. – 2009. – № 3. – С. 180–191.

¹¹ Гоштовт Г. Дневник Кавалерийского офицера. – Париж, 1936.

свои воспоминания, в которых зачастую старались не только выразить личные впечатления, но и проанализировать действия русской стороны. Рассмотрим сперва ход боя.

Силы русского конного отряда были эквивалентны четырём германским батальонам, им противостояло 5 немецких батальонов, в составе второй Сводной Ландверной бригады. Однако стоит заметить, что если с русской стороны сражался цвет армии – гвардейские кавалерийские полки (Кавалергардский, Конный, Кирасирский, Гусарский), то ландвер германской армии был «войсками второго сорта»¹². Сторожевые охранения противника расположились на левом берегу реки Инстер, на участке между Каушен-Наунингкен; одновременно разведчиками было выявлено движение пехотных колонн противника к деревне Краупишкен. Вскоре немцы начали окапываться на восточном берегу реки и разворачивать артиллерию.

Хан Нахичеванский приказал эскадронам спешиться и наступать цепью. Это решение командующего конным отрядом оказалось весьма спорным. Кавалерийские части были плохо подготовлены к ведению длительного боя в пешем строю, эскадроны были ослаблены, так как потребовалось выделить коноводов, следивших за лошадьми. Однако главным упреком генералу является то, что, спешив кавалеристов, он лишил свои части манёвренного превосходства и повёл их «в лоб» на окопавшихся немцев, что вызвало, по мнению, некоторых военных историков, необоснованно завышенные потери. Сам генерал подвергся критике П.К. фон Ренненкампа за свою пассивность в течение боя.

В 12 часов дня лейб-гвардии Конно-гренадёрский полк, не доходя до Краупишкена, на берегу р. Эйменис наткнулись на противника. В ответ на огонь конногвардейцев немцы пошли в атаку и начали артиллерийский обстрел. В бой включился авангард 2-й гвард. кав. дивизии, и немцы заняли оборонительные позиции возле дер. Каушен. Русские же части расположились у дер. Опелишкен. Вскоре туда подтянулись и основные силы русских войск. Завязалась артиллерийская дуэль, в ходе которой батарея под командованием полковника А.Е. Арсеньева заставила замолчать немецких артиллеристов.

В 13 ч. 30 мин. части Сводной Кавалерийской дивизии попытались охватить неприятеля с правого фланга, однако безуспешно, и вскоре эти подразделения тоже спешились. В это время на центральном участке боя в атаку пошли части кавалергардов. Наступая в пешем строю, они несли огромные потери от огня окопавшихся немецких пехотинцев и их артиллерии, которая снова открыла огонь. Однако на этот раз батарея полковника кн. Эристова принудила их к молчанию.

Ещё одна попытка опрокинуть немецкие части лобовым ударом была предпринята ген. Долгоруковым, который лично повёл русские войска в атаку. Немецкий огонь оказался столь убийственным, что эта атака, как и предыдущие, не увенчалась успехом. Более того, немцы перешли в контрнаступление, пытаясь охватить левый фланг русских частей. Командующий германскими частями полковник фон Люпин получил сведения (оказавшиеся ложными), что ему на выручку идёт 1-я кавалерийская дивизия, и задействовал все свои резервы, однако контрнаступление было отражено выдвижением лейб-гусар.

Около 15 часов генерал П.П. Скоропадский послал на выручку кавалергардам Конный полк, в рядах которого находился великий князь Дмитрий Павлович, и обеспечил его поддержкой 4-й батареи.

Наконец инициатива была перехвачена русскими войсками. Перелом в сражении вызвала конная атака эскадрона ротмистра П.Н. Врангеля на немецкую батарею у д. Каушен. Несмотря на большие потери, Врангелю удалось смять немцев и захватить два орудия, что дало русским войскам возможность наступать почти беспрепятственно. Фон Люпин отдал приказ отходить.

¹² Солдат служил 2 года в армии, 7 лет находился в резерве, а уже потом на протяжении 11 лет числился в ландвере и 7 в ландштурме.

Князь Дмитрий Павлович во время Каушенского боя исполнял обязанности ординарца: передавал донесения командующего Хана Нахичеванского младшим командирам и доставлял в штаб ориентировки с поля боя. По воспоминаниям Г. Гоштовта, это была опасная задача, так как вестовой был желаемой целью для немецких стрелков и князь находился под обстрелом.

Победа досталась дорогой ценой – 81 человек убитыми, 293 ранеными, 22 пропавшими без вести и огромный расход боеприпасов. Германцы лишились 66 человек убитыми, 122 ранеными и 30 пленными, а также 2 орудий и 4 зарядных ящиков¹³.

Современный историк К. Пахалюк так оценивает результаты сражения:

«Позднее генерал П.К. фон Ренненкампф дал отрицательную оценку действиям кавалерии, в особенности генерала Бельгарда, которому вменялось то, что он не задействовал всю артиллерию. Сам Хан Нахичеванский в ход боя практически не вмешивался, если не считать приказы по корпусу на этот день, запрет на выдвижение из резерва кирасирской бригады, а также приказ об отступлении. Не лучшим образом показали себя и другие командиры, которые не смогли использовать маневренное преимущество. На руку нам сыграло общее превосходство в артиллерии. Да и противостояли гвардейцам лишь ландверные части, т. е. состоящие из запасников и достаточно сильно уступающие по выучке элитным кавалерийским частям. Недостаток профессионализма пришлось восполнять героизмом. Не забудем, что это вообще первый крупный бой и с психологической точки зрения он был самым тяжелым для необстрелянных солдат и офицеров. Стоит добавить, что в Первую мировую войну крупные конные соединения во всех армиях не оправдали возложенных на них надежд. Более того, конные атаки на окопавшуюся пехоту были малоэффективны практически на всех фронтах, и здесь кавалерия Нахичеванского не стала исключением»¹⁴.

Вскоре в г. Гумбиннен прибыла со своим лазаретом великая княгиня Мария Павловна. Так она описывает встречу с братом, первую, после ухода князя на войну:

«Дмитрий и Иоанн, муж Елены, каким-то образом узнав о нашем прибытии в Гумбиннен, приехали на автомобиле и застали нас за осмотром домов. Я не надеялась так скоро увидеть Дмитрия и была безмерно рада. Однако нельзя было не заметить, что он не вполне разделял мои чувства. Ему довелось пережить многое, он выглядел печальным и усталым и не одобрял мое присутствие так близко от места боев»¹⁵.

В это время Дмитрий Павлович уже исполнял обязанности офицера связи в штабе генерала П.К. фон Ренненкампфа, расположенном в г. Истенбурге. Туда же был переведён и госпиталь великой княгини. Именно там через месяц после Каушенского сражения Дмитрий Павлович был награждён Орденом Св. Георгия 4-й степени. Мария Павловна так описала этот эпизод в своих мемуарах:

«Особенно памятен мне тот день, когда в госпитале неожиданно появился генерал Ренненкампф в сопровождении Дмитрия и штабных офицеров. Это случилось во время ужина. Бакенбарды у командующего были расчесаны, талия туго перетянута поясом. Весь персонал в спешке поднялся из-за стола по причине внезапного визита.

Генерал явно нервничал. Взяв маленькую коробочку из рук одного из офицеров, он повернулся к Дмитрию и с кратким поздравлением наградил моего брата Георгиевским крестом, приколов его ему на грудь больничной булавкой. Этот орден брат получил за Каушенское

¹³ Описание Каушенского боя и действий Конного полка дано по: *Гоштовт Г.* Дневник Кавалерийского офицера. – Париж, 1936. *Звегинцев В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914–1920 год. – Париж: Издательство Е. Сияльской, 1936. *Пахалюк К.* Гвардия не сдаётся (Каушенский бой 19 августа 1914 г.). Интернет-публикация: <http://hero1914.com/kaushenskij-boj-196-avgusta-1914-goda/>

¹⁴ *Пахалюк К.* Гвардия не сдаётся (Каушенский бой 19 августа 1914 г.). URL: <http://hero1914.com/kaushenskij-boj-196-avgusta-1914-goda/>

¹⁵ Воспоминания. Издатель Захаров.

сражение. Генерал считал, что мне будет приятно присутствовать при награждении, и он был прав. Я была счастлива и несказанно горда.

Только тогда я узнала, что мой брат помимо участия в кавалерийской атаке, когда была захвачена целая батарея, спас жизнь раненому младшему офицеру. Он соскочил с коня, вынес раненого с поля боя, а потом снова присоединился к своему эскадрону»¹⁶.

Однако сведения о том, что Дмитрий Павлович во время боя спас другого конногвардейца, вызывают некоторые сомнения. Ни в одном источнике, кроме вышеупомянутого, не сообщается ни о чём подобном. В воспоминаниях участников боя имя великого князя упоминается, но только как офицера связи, доставлявшего сведения с передовой командиру. И, наконец, Высочайший приказ о награждении от 13 октября 1914 гласил:

«Состоя в бою 6-го августа под Краупишкенем ординарцем у начальника конного отряда, в самый разгар боя, с явной опасностью для жизни, доставил верные сведения о неприятеле, вследствие чего были приняты меры, увенчавшиеся полным успехом»¹⁷.

Возможно великая княгиня была неверно информирована кем-то, кто приукрасил подвиг её брата, чтобы сделать ей приятное. С другой стороны, вполне возможно, что этот эпизод действительно имел место.

То, что великий князь был специально награждён в присутствии сестры, а также его перевод в штаб П.К. фон Ренненкампа, некоторые исследователи объясняют желанием генерала создать себе своеобразное «великокняжеское лобби» при дворе. Оно вскоре могло пригодиться – после катастрофы армии генерала Самсонова началось расследование деятельности и Ренненкампа. Великий князь Андрей Владимирович в своём дневнике резюмировал выдвигавшиеся против генерала обвинения и роль Дмитрия Павловича в этом деле, исходя из слов князя Енгальцева:

«Назначили Пантелеева расследовать Самсоновское дело и в связи с этим – и Ренненкампа. Ну что он понимает в военном деле? Ровно ничего. Откомандовал Семеновским полком, а потом командовал корпусом жандармов. Ну, и в результате, несмотря на массу улик против Ренненкампа, он в докладе все улики смазал. А между тем многие командиры батарей показали, что они получали приказание в Восточной Пруссии во время боев по таким-то участкам не стрелять, и при расследовании оказывалось, что эти участки принадлежали родственникам Ренненкампа. У управляющих некоторыми имениями были найдены за подписью Ренненкампа охранные листы, чтоб наши войска не трогали бы ничего. И эти поместья также принадлежали Ренненкампу. Кроме того, из Германии были получены сведения, что немцы очень интересовались его денежными делами. Все это невольно уже характеризует Ренненкампа, и у военного министра Сухомлинова уже собран целый том с обвинительными документами.

Теперь разобрать это дело поручено генерал-адъютанту Баранову. Это человек глубоко порядочный и, конечно, доведет дело до конца. Но долгое время Государь верить не хотел. Я ему неоднократно говорил, но он все как-то уклонялся и сомневался в правде. В этом много виноват кн. Орлов, который был в переписке с кн. Белосельским, а последний состоял при Ренненкампе и не командовал своей бригадой, которая входила в состав той же армии. Белосельский сильно поддерживал Ренненкампа... и Андрюша Шувалов. Я ему однажды говорил: «Что Вы делаете, Россию губите, защищая такого генерала». На это Шувалов мне ответил, что Ренненкампф ему однажды в жизни помог, и он считает своим долгом и его теперь выручать. Я ему сказал, что это не причина и интересы государства должны быть выше личных чувств.

¹⁶ Воспоминания. Издатель Захаров.

¹⁷ Отечественная война 1914 года Ч.2. Героические подвиги русских воинов в Отечественную войну 1914 года. – М., 1915.

Орлов тоже не прав. Он пользовался, кроме того, частными агентами, с которыми сносился жандармским шифром, и, конечно, сведения, добытые таким путем, не могут быть всегда очень чисты.

А надо быть очень осторожным с Государем. Так легко в его глазах очернить кого бы то ни было, и даже ежели он и не поверит, то все же остается немного. И ежели нет точных данных, о ком бы то ни было лучше не говорить как плохое, так и хорошее. Но ежели есть точные сведения, то надо говорить всю правду. Это долг каждого перед своим Государем.

Ну вот, как я говорил, Государь долго не верил мне, а я его довольно часто видел, когда был начальником штаба в 6-й армии в Петрограде. Государь очень интересовался делами войны, и никто его не держал в курсе дела. Я ездил к нему рано утром, никто не знал об этом.

Однажды я нашел большую перемену в Государе. Он мне сам стал говорить про Ренненкампа, обвиняя его. Оказывается, у него был до этого в. кн. Дмитрий Павлович и имел четырехчасовой доклад у него. Дмитрий Павлович хорошо знал детали всего этого дела, и его доклад сильно повлиял на Государя.

Я лично думаю, что Ренненкампаф один виноват во всем этом деле. Жилинский гораздо меньше, хотя верховный главнокомандующий мне сказал, что, не зная я Жилинского на прежней службе, – я бы даже заподозрил его в высшей измене. Этот вопрос, конечно, трудно решить»¹⁸.

После отрешения генерала Ренненкампа от должности, Дмитрий Павлович был переведён в Ставку Верховного Главнокомандующего, чьи обязанности тогда исполнял великий князь Николай Николаевич. По служебным обязанностям князь часто ездил в Петроград с поручениями от Ставки. Дневник Николая II содержит записи о посещении его Дмитрием Павловичем в ходе этих поездок, например:

«1914-го сентября. Воскресенье.

До 10 час. ко мне приехал Алек и задержал, так что опоздали значительно к обеду. Завтракал Дмитрий Павлович, приехавший из армии с поручениями от Николаши. Так приятно было увидеть его и с Георгиевским крестом на груди. Полтора часа посидел с ним и поговорил о многом. Погулял с Аликом и детьми. После чая принял – капитана Лазарева Л.-Гв. Кексгольмского полка, кот. ездил в армию узнать о подробностях почти полной гибели полка. Вечером долго ждали приезда Григория. Долго потом посидели с ним»¹⁹.

Служба в Ставке для Дмитрия Павловича проходила спокойно, пока, после отступления 1915 г., император не решил принять обязанности Верховного Главнокомандующего. Протопресвитер армии и флота о. Г. Шавельский вспоминал:

«В Ставке в это время находился великий князь Дмитрий Павлович. Он был временно прикомандирован к Штабу. Прямой, честный и достаточно толковый, он считался любимцем Государя, имевшим большое влияние на последнего. Не знаю, каковы были раньше отношения Дмитрия Павловича к великому князю Николаю Николаевичу, но теперь они отличались большою задушевностью. Первый относился к последнему с большим уважением и почтительной предупредительностью; второй проявлял в отношении первого отеческую заботливость и трогательную привязанность. Увольнение Верховного потрясло великого князя Дмитрия Павловича больше, чем самого уволенного. Дмитрий Павлович бросился, было, к Николаю Николаевичу с просьбой немедленно отпустить его в Петроград, чтобы он мог настаивать перед Государем об отмене его решения.

Великий князь Николай Николаевич не разрешил ему поездку, считая затевавшееся им поступком, противным воинской дисциплине: великий князь Дмитрий Павлович офицер, а

¹⁸ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова / Вступление, подготовка текста, публикация и примечания к.и.н. В.М. Хрусталева и В.М. Осина // «Октябрь» № 4, 1998. Запись от 16 января 1915 г.

¹⁹ Дневники императора Николая II. – М.: Орбита, 1991.

офицер не имеет права мешаться в подобные дела. Дмитрий Павлович решил, однако, добиться своего. Через несколько дней великий князь Николай Николаевич получил телеграмму от Императрицы Марии Феодоровны. Не объясняя причины, Императрица просила отпустить Дмитрия Павловича в Петербург на некоторое время. Верховный не мог отказать в просьбе. Напутствуемый благопожеланиями всей Ставки, великий князь Дмитрий Павлович отбыл в столицу. Перед его отъездом в его помещении (в гостинице) состоялось небольшое совещание, в котором кроме него, участвовали я, генерал Крупенский и Петрово-Соловово.

...

22 или 23 августа вернулся из Петрограда великий князь Дмитрий Павлович. При встрече со мной он сообщил мне, что был принят Государем и очень долго беседовал с ним, умоляя его отказаться от принятого решения. Государь сказал ему: «Будь спокоен! Я поступлю так, как подскажет мне моя совесть». В неопределенном ответе Государя Дмитрий Павлович усматривал некоторую возможность поворота дела в пользу великого князя Николая Николаевича.

...

Когда я снова встретился с великим князем Дмитрием Павловичем, он без всякого стеснения начал возмущаться поступком Государя, обещавшего ему обдумать Дело и поступить по совести.

– Я пойду к нему и выскажу всё, что накопилось на Душе. Пусть делает со мной всё, что хочет. Пусть лишит меня мундира, сошлет в ссылку, но я это сделаю, – горячился Дмитрий Павлович.

Я старался успокоить его и удержать от такого шага»²⁰.

Великая княгиня Мария Павловна так описывала отношения между кузенами в то время:

«В то время император все еще относился к Дмитрию как к родному сыну; Дмитрий был всегда желанным гостем в Царском Селе, и император с удовольствием беседовал с ним. Однако на этот раз Дмитрию пришлось неоднократно звонить из Петрограда в Царское Село, прежде чем император согласился принять его. Раньше такого никогда не было. В конце концов император пригласил его на обед, а потом предложил сыграть в бильярд. Тогда Дмитрий, выбрав благоприятный момент, перешел к цели своего визита. Он прекрасно понимал, какую берет на себя ответственность, но чувствовал, что должен высказать монарху не только свое личное мнение, но и мнение большинства – как на фронте, так и в тылу. Он не задумывался о том, какие последствия может иметь эта откровенность для него лично.

Разговор был трудным для обоих. Император внимательно слушал доводы моего брата, не проявляя ни тени раздражения. Сначала он изредка отвечал, потом слушал молча.

По-видимому, он ясно представлял, какому риску подвергается, принимая на себя командование; но, получив подтверждение своих страхов, он, судя по всему, заколебался. К концу разговора Дмитрий был уверен, что добился своего: убедил императора, и теперь все будет хорошо. Государь не только не выразил недовольства, но и поблагодарил Дмитрия за преданность и откровенность. Прежде чем вернуться на половину императрицы, мужчины, тронутые разговором почти до слез, молча обнялись. Рассказывая потом об этом эпизоде, Дмитрий говорил, что они никогда прежде не были так близки. В тот вечер он вышел из Александровского дворца с чувством радостного и глубокого удовлетворения.

Два дня спустя император принял на себя командование армией; и Дмитрий, который все еще находился в Петрограде, узнал об этом из газет...

...Дмитрия вызвали в штаб и назначили адъютантом императора. Примерно в то же время в Москве проходил съезд земства и городских советов – организаций с множеством ответвлений. Съезд принял политическую резолюцию, в которой в достаточно деликатной

²⁰ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. – С. 309–317.

форме говорилось о трудностях, которые испытывает Россия, и об отсутствии тесного контакта между правительством и народом. В ней подчеркивалась необходимость принятия срочных мер – прежде всего назначение кабинета министров, который будет пользоваться доверием народа, и новый созыв Думы.

Император написал резкую телеграмму, отказываясь принять делегацию с этой резолюцией. Он передал ее лично Дмитрию и приказал отправить. Дмитрий, зная содержание телеграммы, не отправил ее. Он понимал, что необоснованная вспышка императора вызовет слишком серьезные последствия.

На этот раз дерзость брата не прошла безнаказанно. Его вместе с адъютантом Дрентельном, с которым он советовался, на время перевели из главного штаба. Делегацию Земгора не приняли. С той поры развязалась более или менее открытая война между царем и здравомыслящей частью населения»²¹.

Изменение положения великого князя при дворе отметил и Г. Шавельский:

«Прежний любимец Государя великий князь Дмитрий Павлович после ухода великого князя Николая Николаевича отошел на второй план. Отношения между ним и Государем стали сухо формальными»²².

Неудовольствие императора сразу же отразилось и на отношении персонала Ставки к великому князю. М. Лемке писал в своём дневнике:

«Сегодня у нас завтракал вел. кн. Дмитрий Павлович... Он вошел, когда мы все уже сидели. Алексеев, как и все, встал, но не пошел навстречу, а лишь немного отделился от своего места. Дмитрий Павлович поздоровался кое с кем и, видя, что за ним не бегают, спросил: «А где мне сесть?» – «Вот здесь место, ваше высочество»... Ну, конечно, Алексееву не место в тонко воспитанной свите... Князь был очень любезен со священником Шавельским, приходя и уходя целовал его руку, и «мило», хотя и коротко, беседовал с ним. Он близок со светл. кн. Карлом Павловичем Ливеном, старшим лейтенантом военно-морского управления»²³.

Императрица Александра Фёдоровна заняла ещё более резкую позицию по отношению к молодому князю, что отразилось в её письмах к императору:

«...Мы говорили с ним²⁴ о Дмитрие – не повторяй ему этого, это его ужасно мучает, и он очень недоволен тем, что тот навсегда застрял в ставке, и находит, что он ни за что не должен оставаться там, так как это вредно для него, портит его, и он чувствует себя там очень важной персоной. Павел очень недоволен, что он теперь приехал, и огорчен тем, что ты не осадил его раньше, вместо того, чтобы позволять ему вмешиваться в дела, которых он совсем не понимает... Не думаешь ли ты отослать Дмитрия обратно в полк? Не позволяй ему слоняться без дела. Это для него прямо губительно. Он ни на что не будет годен, если характер его не исправится на войне. Он был на фронте всего лишь один или два месяца...»²⁵.

В Ставке служебные обязанности оставляли много свободного времени. Так, например, Белевская, жившая в Могилёве, в период пребывания там Ставки, вспоминала в своих мемуарах такую анекдотичную ситуацию: «Молодые князья в Могилеве не скучали. Местные дамы делали все от них зависящее, чтобы скрасить досуг высоких гостей и доставить им всяческие удовольствия. На этой почве было немало курьезов.

Об одном из таких мне рассказывал ошастливленный папаша, могилевский полицмейстер. Его разбитная молоденькая дочка пленила одного из молодых князей. Кроме величайшей гордости вся семья ничего не испытывала, но раз полицмейстер был поставлен в довольно

²¹ Воспоминания.

²² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. – С. 342.

²³ Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916). – Пг.: ГИЗ, 1920.

²⁴ С великим князем Павлом Александровичем.

²⁵ Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. – М.: Родник, 1996. Письмо от 27 августа 1915 г.

глупое положение и не знал, как из него выйти. Рано утром, когда он еще спокойно почивал со своей супругой, он услышал в гостиной какие-то шорохи и стуки. Думая, что это воры, наскоро, в ночных туфлях, и в костюме камергера, но без мундира и орденов, с револьвером в руке он открыл дверь в гостиную и замер... В кресле сидел один из молодых великих князей и перелистывал его старые альбомы. Увидев у себя в гостиной в столь ранний час высокого посетителя, бедный полицмейстер не знал, встать ли ему во фронт или же, на правах строгого папашы, спросить вел. князя о причинах столь раннего визита. Он предпочел третий выход: закрыл дверь и не проявил излишнего любопытства»²⁶ (конечно, имя великого князя не названо, однако Дмитрий Павлович пользовался в обществе репутацией сердцееда, и можно с большой уверенностью утверждать, что именно он и был героем этой истории).

В июне 1915 г. великий князь сломал ногу, и некоторое время лечился в Царском Селе²⁷. Одно время предполагалось поручить Дмитрию командовать сотней в каком-нибудь казачьем полку, однако это назначение так и не было претворено в жизнь²⁸.

Зимой 1916 г. Дмитрий Павлович вместе с князем Феликсом Юсуповым и правым политиком Государственной Думы Пуришкевичем организовали убийство Г. Распутина, протеже императрицы Александры Фёдоровны, которого общественное мнение обвиняло в измене, дурном влиянии на императора и разврате. Как только об убийстве стало известно, Дмитрий Павлович был подвергнут домашнему аресту. Предполагалось, что он будет выслан на персидский фронт в отряд генерала Баратова. Другие члены дома Романовых, бывшие в это время в Петрограде, написали письмо императору с просьбой облегчить участь их родственника²⁹, однако Николай II остался непреклонен. Письмо вернулось с резолюцией:

«Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, т. к. не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне»³⁰.

Великий князь отправился в Персию.

К началу Первой мировой войны Персия, формально остававшаяся независимым государством, была разделена на сферы влияния Россией и Великобританией. Важное стратегическое положение Персии, большие залежи местной нефти, близость русско-турецкого фронта и активизировавшаяся деятельность немецкой разведки и прогерманских элементов обусловили необходимость ввода в Персию войск Антанты. Уже в январе 1915 г. русские части, состоявшие из казаков и армянских добровольцев, выдвинулись к Тебризу, чтобы помешать наступлению германо-турецких войск, стремившихся прорваться к Азербайджану. Началось противостояние, продолжавшееся до самого конца войны³¹.

²⁶ Белевская М. СТАВКА Верховного Главнокомандующего в Могилеве 1915–1918 гг. ЛИЧНЫЕ Воспоминания. – Вильно, 1932. – С. 22–23.

²⁷ Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. – М.: Родник, 1996.

²⁸ В частности, об этом упоминает великий князь Михаил Александрович в одном из писем к супруге.

²⁹ «Ваше Императорское Величество. Мы все, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича! Мы знаем, что он болен физически и глубоко потрясен, угнетен нравственно. Вы – бывший его опекун и верховный попечитель – знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, Государь, и к нашей Родине. Мы умоляем Ваше Императорское Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском. Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких тяжелых условиях находятся наши войска в Персии, ввиду отсутствия жилищ и эпидемий, и других бичей человечества. Пребывание там для великого князя Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели, и в сердце Вашего Императорского Величества верно проснется жалость к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас и для которого Вы были добры как отец! Да внушит Господь Бог Вашему Императорскому Величеству переменить свое решение и положить гнев на милость! Вашего Императорского Величества горячо преданные и сердечно любящие: (Подписались:) Ольга (королева Эллина), Мария (вел. княгиня), Кирилл, Виктория, Борис, Андрей, Павел, Мария (великая княгиня Мария Павловна, младшая), Елизавета (великая княгиня Елизавета Мавриковна), Иоанн, Елена, Гавриил, Константин, Игорь, Николай Михайлович, Сергей Михайлович».

³⁰ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова / Вступление, подготовка текста, публикация и примечания к.и.н. В.М. Хрусталева и В.М. Осина // «Октябрь» № 4, 1998.

³¹ Подробнее см. например Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. – М.: Вече,

О приезде и пребывании великого князя на персидском фронте оставил воспоминания А.Г. Емельянов:

«Автомобили подкатили как-то внезапно. Группа блестящих военных стояла у питательного пункта Земского союза. Я никогда не видел великого князя и наугад подошёл к высокому стройному молодому офицеру с погонами штабс-ротмистра и аксельбантами. Я угадал.

– А Вы давно в Персии? А откуда Вы? А работы много? – он засыпал меня вопросами.

– Из Москвы? Ведь я тоже москвич. Какая чудная Москва! Как я люблю её – ведь я прожил там моё детство!

Мы осмотрели приёмный покой с больными. Солдаты знали, что должен приехать двоюродный брат царя, а потому все прибрались и подтянулись. Осмотрели питательный пункт и кухню, пробовали борщ. Произвели переполох в ночлежке – огромном караван-сараяе. На нарах лежали и сидели проходящие солдаты; при крике «Смирно!» сорвались со своих мест и застыли с каменными лицами, глядя на блестящую группу посетивших их гостей.

Великий князь с интересом об условиях жизни и работы в Персии, о климате, о болезнях, о нашей организации. В Менджиле, как всегда, дул ветер, день был холодный, и потому все скоро замёрзли.

Пошли греться и завтракать.

Я приветствовал гостя и в ответ услышал хорошие слова о Земском союзе, который на всех фронтах необъятной русской армии разделяет с ней тяготы войны...

...Несомненно он был красив, великий князь. А глаза у него были голубые или голубовато-серые и печально улыбались. Он был взвинчен и нервничал. Спутники его были – генерал Лайминг, воспитатель и полковник граф Кутайсов.

Лайминга любил Дмитрий Павлович, а Кутайсова – нет.

Родные великого князя просили генерала Лайминга сопровождать своего питомца в ссылку...

...Флигель-адъютанта Кутайсова послали царь и царица в качестве лица, наблюдающего за великим князем. Кутайсов должен был доносить в Петербург о поведении сосланного и о об условиях его жизни.

– Как тяжело, как неприятно и ложно моё положение. Быть тюремщиком! И у кого? Ведь Вы же видите, какой он благородный и чистый. Как страдал отец! Но, правда, он умолял и просил его сказать... Слава Богу, слава Богу, на нём нет крови. Он участвовал, но не убивал...

...Штаб Корпуса находился впереди. Далеко за Казвином. Великий князь ехал в штаб и на позиции. Казаки угощали его на остановках дастарханами, «алой-вердой», лезгинкой, музыкой, джигитовкой и даже... фейерверками. Это не был походный атаман, но казаки «распоясались» в искреннем казачьем гостеприимстве...»³²

Приезд опального князя вызвал повышенный интерес офицеров. Генерал Баратов устроил приветственный ужин, на котором резко проявилась оппозиционность офицеров и их недоверие к тылу и правительству.

Дмитрий Павлович числился прикомандированным к штабу корпуса и находился в личном распоряжении генерала Баратова. Судя по всему, в боевых действиях в Персии великий князь участие не принимал.

Ниже приведены письма, отправленные Дмитрием Павловичем своему отцу великому князю Павлу Александровичу. Письма освещают подробности пребывания великого князя в Персии³³.

2010. – (Военные тайны XX века).

³² Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте (1915–1918). – М.: Вече, 2007. – С. 290–302.

³³ Письма приведены по: Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте (1915–1918). – М.: Вече, 2007. – С. 388–418.

Письма

Казвин, Персия. 14 января 1917 г.

Дорогой мой папа, мой милый друг. Через два, три дня уезжает Георгий Михайлович Лайминг. Так как до того времени я вряд ли получу твоё письмо, то я и решил его не ждать, а воспользоваться случаем и послать моё послание таким важным способом, не боясь перлюстрации. Плана особенного для этого письма у меня нет, а буду писать, как думается.

Вот уже 2 недели, что я на персидской территории. Приехал сюда 31 декабря. Сначала и в особенности в пути было несказанно тяжело. Казалось что я действительно еду на край света. На четвёртые сутки доехал лишь до Баку. А там ещё 16 часов через море только для того, чтобы достичь Персии. В Энзели (Персидский порт) встретил меня от имени ген. Баратова ген. Шах-Назаров. Очень милый и доброжелательный старик. Нам предстояло сделать 300 вёрст на автомобиле по шоссе. Эта дорога русская, называется Энзели-Тегеранской, но имеет несколько веток, например, почти до занятого теперь турками города Камадана.

Так как физически невозможно проехать 300 вёрст между Энзели и штабом Баратова, в один день или в один раз – пришлось остановиться ночевать в местечке Менжим. Там, на питательном пункте Земского Союза мне и моим спутникам было приготовлено помещение. Дома персидские не подлежат описанию. Они построены все из простой глины (не кирпич), перемешанной с соломой. Скорее имеет вид – навоза, чем строительного материала. Потом, ввиду страшного летнего зноя (до 65 Реомюра), у персов двери нет, а просто зияющая дырка, и окон тоже не полагается – просто сплошная стенка. Уже русскими руками, в тех постройках, в которых живут войска или расположены разные учреждения, – пробиты маленькие окна и поставлены поганые печи, которые топятя тёртым и прессованным верблюжьим навозом. Можешь себе представить, какой прекрасный воздух.

Климат тут странный. Днём, когда выходит солнце, всё размякает и тогда тепло, градусов 8–10. Зато после заката делается страшно холодно. Т. е. температура и не такая низкая, но как-то пронизывающе. Горы все покрыты, конечно, густым снегом.

Что касается природы, то она страшно однообразна. Ещё в Энзели (около моря) много растительности, но чем больше уходишь в горы – растительности делается меньше, и, наконец, остаются одни лишь жёлто-серого цвета холмы, скалы и горы. Мне кажется, что на Луне такая Богом проклятая природа. Даже селения персов не вносят разнообразия в общую однотонную картину, ибо, как я уже сказал – селения эти построены из смеси глины, соломы и верблюжьего помёта. Что у персов удивительно, это их водоснабжение. Они проводят её куда угодно при помощи канав. Рисовых полей очень много. Это главный рассадник лихорадок.

Теперь, после краткого описания персидской природы, я вернусь снова к моей поездке. Значит, я уже сказал, что ночевать мы остались в Менжим. Приблизительно 100 вёрст от Энзели. На следующий день поехали дальше. Путь лежал прямо через горы. Мы долго подымались по страшно извилистому шоссе и, наконец, добрались до перевала (Куинский 660 саж.). Там дул феноменальный ветер и было просто холодно. Ещё вёрст 50, и мы доехали до города Казвина. Он отстоит приблизительно в 100 верстах от Менжим и значит, в 200 от моря или от Энзели.

В Казвине меня приветствовал Баратов. Произвёл он на меня тогда самое лучшее и даже трогательное впечатление. Он был весь только и занят мыслью, как лучше меня устроить, как бы мне угодить. Теперь уже прошло две недели с тех пор, и я, конечно, успел уже оглядеться. Баратов, действительно, трогательно заботится обо мне, но он осетин, кавказец. Не лишён хитрости в большой дозе и, мне кажется, даже и фальши.

Здесь в Казвине мне был официально предложен большой завтрак. Баратов, а это его слабость, говорил много трогательных «спичей». Тут уже раздавались кавказские песни застоль-

ные и аллаверды вовсю. Кормили кавказскими блюдами: шашлык, лю-лю кебаб (котлеты на вертеле с чесноком), чакоч-били и тому подобными неудобоваримыми яствами с самыми дикими названиями. Завтрак затянулся до 4 дня – с чаем (всё это происходило 31 декабря). Когда встали со стола, то сели в моторы и отправились дальше. Предстояло сделать ещё вёрст 115 до деревни Аве, где и стоит штаб 1-го Кавказского кавалерийского корпуса генерала Баратова.

Добрались мы лишь около 9 1/2 часов вечера. Поместили меня в персидском доме такого описания, как я уже приводил. Но стараниями штаба, мне единственную комнату этого дома привели, насколько возможно, в уютный вид. Обтянули холстом, кое-где нацепили ковры, а пол покрыли соломенным матом (как в конюшнях). Повторяю, что мои новые товарищи приложили всё старание, чтобы устроить меня получше. Так что мне жаловаться было невозможно, в особенности им – офицерам штаба. Но, конечно, условия жизни в этих персидских домах очень трудны. Я думаю, я там и простудился. Ибо до вчерашнего дня я чувствовал себя омерзительно. Что-то вроде лихорадки. Да это вполне понятно. В комнате стоит маленькая печь. Ночью страшно холодно. Значит, приходится её натапливать до отказа, а утром снова холодно. Потом от соломенного мата идёт феноменальная пыль – сильно раздражающая горло.

По счастью ген. Баратов переводит штаб в Казвин. Теперь он с Янушкевичем в Тегеране, и я живу в Казвине в европейском доме – Собрании Энзели-Тегеранской дороги. Сюда именно и перейдёт числа 20 наш штаб. Ну здесь, конечно, условия совсем иные и несравнимые с Аве. Потом, кроме всего прошедшего, в Аве мне трудно дышать ужасно. Там 6400 ф. высоты, и это даёт себя чувствовать.

Бумаги мало, продолжаю на других листах.

По приезде 31 декабря в 9 1/2 ч. ночи в Аве, мне дали немного отдохнуть, а потом мы собрались в столовой штаба для встречи Нового года. Столовая эта устроена просто в кибитке. Но в ней тепло и не дует.

Перед началом ужина, был отслужен краткий молебен с провозглашением многолетия.

Теперь, повторяю, дорогой мой, мне уже много лучше. Человек такое животное – ко всему привыкает.

Но тогда, ночью 31 декабря, после того что мы проехали более 300 вёрст на автомобиле, то по солнцу, то по снегу со страшным ветром, среди совершенно мне незнакомых людей, встречать Новый год и молиться, слыша слова молебна, было страшно трудно. Много, очень много надо было нравственной силы, чтобы остаться спокойным и не расплакаться, как маленькому ребёнку. Пожалуй, первые два дня в поезде и эта встреча Нового года, самые трудные минуты моего изгнания.

Ах, как горячо молились. Боже, как хочется, чтобы 17 год для России был бы светлым и радостным.

Ведь говорят же «Велик Бог земли русской». Он видит всё. Он знает, что кто бы ни сделал это дело (убийство Распутина), эти люди искренно, горячо, страстно любят Россию, свою Родину. Люди эти, любя Россию, горячо преданы своему Государю. Ведь такое положение вещей долго продолжаться не могло. Ведь во время такого страшного испытания, такого ужасающего напряжения, каковым является эта война для России, она, наша родина, не могла быть управляема ставленниками по безграмотным запискам какого-то конокрада, грязного и распутного мужика. Пора было очнуться от этого кошмара, пора было увидеть луч чистого света.

Теперь, дорогой друг, должен тебе привести несколько картинок из нашей жизни, и тогда тебе будет вполне ясна вся обстановка.

Много было обедов, и официальных и просто дружеских. За этими обедами всегда говорились речи. Речи эти граничили с политическими. Т. е. другими словами, кто более открыто, кто посдержаннее, радовались известному событию. Конечно, имена не назывались. Причина

радости была всегда скрыта, но, повторяю, речи эти были почти патриотическими. Моё пребывание здесь всех убедило, – и это видно, – что я замешан «в этом деле».

Что же касается личного моего состояния, нравственного и физического, то я уже немного это описал. Только вчера я лучше себя почувствовал. Противная простуда не покидала меня. Нравственно я теперь успокоился. Только дальность от дома, вот главная причина неприятностей. Письма почтой идут почти 2 недели. Новости из России приходят из газет лишь на 10 день. Иногда находит феноменальная тоска по дорогим мне. По тебе, родной. Много я бы дал, чтобы увидеть тебя. Но в общем жить можно. Как я тебе телеграфировал, большой компанией было мне найти то трогательное к себе отношение, которое я тут встретил у новых товарищей. Бог поможет мне!

Ну, а теперь родной – прощай. До следующего письма. Не забывай совсем меня в далёкой Персии. Обними мамочку – бибишек. Крепко любящий тебя.

Дмитрий.

Покажи письмо Марии. Скажи ей, что я часто о ней думаю и не забуду трогательное её отношение ко мне в трудные минуты. Крепко её и ещё раз тебя целую. Любящий тебя «изгнанник».

Казвин, Персия, 7 февраля 1917 г.

Мой дорогой папа.

Спасибо, милый, за письмо твоё. Мне так приятно слышать о Вас всех, мне дорогих и близких.

Тетя Михен прислала мне копию письма, которое семейство написало! И странную на этом письме резолюцию. Действительно, резолюция вполне неожиданная. Фраза «никому не позволено заниматься убийствами» как-то ставит семейство в положение шайки преступников, занимающихся разбоем и грабежами на большой дороге.

Потом вполне согласен с тобою, что крайне странно было писать тебе и Марии ласковые записки. По-видимому, они строго различают Вас от меня! Да! Видно, что в Александровском дворце раздражение большое ещё. И потому моё личное впечатление, что надо теперь всем временно успокоиться и больше ни о чём не просить. Я боюсь, что такими просьбами и записками делу не поможешь, а только будет хуже раздражать. А между тем пока мне здесь не так плохо. Ты так же хорошо, как и я, знаешь, что поступки Александровского дворца иногда лишены логики. И, зная это, я опасаюсь, что, если теперь, пока раздражение не улеглось, просить и чего-то добиваться по отношению ко мне, это приведёт лишь к тому, что «там» скажут: «Ах, ему плохо в Персии, – не угодно ли в Сибирь», назло тебе и всей семье.

Поэтому я лично советую и даже прошу придерживаться выжидательной политики и ровно ничего до поры до времени не предпринимать. Уверен, что так лучше и что ты меня поймёшь.

Как я писал мамочке, дело Марианны меня возмутило как по обстановке, так и потому, что Протопопов ей говорил, – какая удивительная наглость! Теперь поговорю о себе. Здоровье моё отлично. Да и не удивительно, ибо погода тут прекрасная. Днём тепло, как бывает в Петрограде лишь в конце апреля. Я очень много выхожу, много катаюсь верхом на чудном жеребецтекинце(подарок мне одного богатого перса), успел уж загореть, как летом. Настроение моё очень спокойное и тихое. Я, папа мой милый, твёрдо верю, что милость Божия ни меня, ни Вас, дорогие мои, не оставит. Мысль о том, что будущее будет, должно быть светлым, сильно поддерживает меня. Всё обойдётся. А что бы ни было, – ты правду знаешь! Ты знаешь также, что сын твой чист от липких пятен крови. Совесть его прозрачна, и любовь к тебе сильная и большая. Ну а ты, дорогой, что поделяваешь, как здоровье? Как настроение? Судя по письму, оно неважно. Ах, как мне хотелось бы издали тебе прислать немного тепла из Персии, неда-

ром названной страной льва и солнца! Мне хотелось бы узнать, что ты не слишком грустишь, что твоё настроение не слишком подавленное. Ничего, родной, ничего, мой милый друг. Будь спокоен. А мне Бог помогает. Я сознательно гоню от себя мысли о Вас всех, мысли о том, как хорошо и уютно у Вас в доме и как вкусно там едят. Почему сознательно я гоню эти мысли, спросишь ты, да потому, что оно лучше, ибо если этим мыслям отдаться, то станет слишком тяжело на душе. Всё-таки 4000 вёрст – очень уж много, и если только подумаешь об этом, то, конечно, станет тоскливо и одиноко.

Временно мы тут живём без Баратова. Он уехал в отпуск в Тифлис. Его заместителем является начальник 1-ой Кубанской дивизии генерал Раддац. Бывший гродненский гусар, служивший последние 10 лет в Сибири. Очень милый и, по-видимому, храбрый генерал.

Ну а кончая письмо, скажу тебе ещё раз. Дорогой папа, не падай духом, всё уладится, не слишком беспокойся за меня, здесь уж во всяком случае лучше, чем в Петрограде. Был бы ты сам твёрд духом, здоров и спокоен. Крепко, крепко обнимаю. Люблю тебя всем сердцем и душой. Если не слишком скучно – пиши. Твой Дмитрий.

Скажи Бибешкам que frere Dmitre их нежно целует и постоянно думает о них так же, как о вас, родные мои.

Казвин, Персия. 20 февраля 1917 г.

Мой милый друг, дорогой мой папа. Спасибо тебе, родной, за письмо, которое я получил 18 февраля. Мне так страшно приятно иметь письмо от всех моих дорогих, от тебя, мой милый!

Теперь, папа, я хочу поговорить с тобою на серьёзную тему. А именно относительно возможности моего переезда в «Усово». Может быть, тебе будет немного неприятно, но я ведь всегда с тобою откровенен.

Ты в последнем письме своём говоришь, что Ники почти окончательно решил в марте перевести меня в Усово.

Вот тут и есть загвоздка. Послушай, мой дорогой папа! Теперь в Персии неплохо. Даже обратное. Тут тепло (в тени 10–12 град.), а на солнце так просто жарко. Следовательно, климат пока уж наверное лучше, чем в Петрограде или даже в Москве. Плохое время начнётся лишь в конце апреля. Я тебя очень, очень прошу не настаивать на моём отъезде из Персии до апреля месяца. Потом уж, отложив вопрос климата в сторону, я должен сказать моё твёрдое мнение и даже убеждение, что чем меньше пока просить у Их Величеств относительно меня, тем лучше.

Потом ещё есть вещь, которая говорит в пользу моего желания остаться здесь. А это политическая сторона. Я тут так далёк от шума и грязных сплетен и пересказов. А если буду даже в Усове, – я сразу попаду опять в центр публичного внимания и толков. Ты, конечно согласен со мною, что этого надо избежать во что бы то ни стало! Правда?

А когда наступит апрель, пройдёт ещё месяц, шум ещё немного подтихнет, и тогда мой переезд в Усово пройдёт незаметно. А климатическая разница между жарким югом и нашей северной весной будет гораздо меньше, чем теперь, в марте.

Вот, родной мой друг, главные причины, которые побудили меня просить о том, чтобы пока меня оставили бы здесь. Я тебя, милый, уверяю, что здесь в Казвине, совсем не плохо. Даже комната моя лучше, чем в Могилёве!

Потом, мне очень хочется сказать тебе одну вещь, да боюсь, что можно меня будет обвинить в сентиментальности. Я хочу сказать тебе, что письма твои меня каждый раз больше и больше трогают. И не теми словами, которые там написаны, а той любовью, той громадной нравственной поддержкой, которая сквозит между строками. Читая твои письма, вся душа идёт к тебе, дорогой мой папа, мой милый друг. Я сознательно называю тебя другом, потому что ты мне не только отец, а и близкий, близкий друг. Есть вещи, которые трудно иногда сказать отцу, но другу не только не трудно, но даже бесконечно приятно. Так и мне с тобою. Поэтому-то мне так легко говорить с тобою.

Я редко говорил тебе такие вещи. как-то трудно было это словами выразить, а теперь потянулась душа к тебе, и я всё сказал... Мог бы много ещё сказать, да, пожалуй, места не хватит. Да потом я знаю и чувствую, что ты меня поймёшь! Не правда ли? Ну, за сим, тепло и нежно обнимаю мамочку. Напрасно она думает, что мысли мои восстановлены против неё. Если бы она знала, как часто я думаю о ней, и скажи ей, что её тёплое и откровенное участие, тогда, когда Вы были у меня на Невском, я не забуду. Храни Вас, родимые мои, Господь Бог. Давайте все перекрестимся и, твёрдо помолившись, укрепим свою веру, свою надежду на то, что после тяжёлой грозы настанут дивные, солнечные дни.

Прощай папа родной, до следующего письма. Крепко, крепко тебя целую и очень, очень люблю.

Твой «персидский изгнанник»
Дмитрий.

P.S. Значит, мои мысли относительно моего возвращения ты поймёшь. Не правда ли!

Я знаю и страшно ценю, что ты хочешь мне помочь, но уж верь мне! Теперь, пока здесь ещё не опасно, лучше тут оставаться! А в конце апреля будет видно.

Казвин. Персия. 19 марта 1917 г.

Нежно любимый, мой дорогой папа. Вся душа, все мысли, ежечасно, ежеминутно летят к тебе! Храни и огради тебя Господь Бог.

Да! Страшное, тяжёлое время переживает теперь Россия в целом и все люди, в частности. Старый строй должен был неминуемо привести к катастрофе. Эта катастрофа наступила. И осталось лишь надеяться на то, что свободная Россия, созная все свои силы, вышла бы из этих ужаснейших событий с честью и достоинством. Лозунг теперь всем должен быть: всё для победы, всё для войны! Очень страшно думать, что лозунг этот может замениться другим: «революция ради революции». И тогда конец!

И снова хочется мне сказать тебе, что мысли мои с тобою, всегда и постоянно. Лишь бы здоровье твоё выдержало бы, а там, что Бог даст.

Что касается моих планов, то скажу тебе следующее. Я вперёд уверен, что ты согласишься со мною и с моими мыслями.

Дело в том, что когда здесь мы узнали о перевороте, первая мысль была о тебе, о том, что я непременно должен ехать назад. Но потом, подумавши, я переменял мнение, и вот почему. Ты знаешь, папа, что я так подумал. Если бы моментально после падения старой власти припёр бы в Петроград, это было бы с моей стороны страшным хамством по отношению к бедному Ники, да потом и слишком поспешно даже по отношению к новой власти. Все газетные заметки о том, что Керенский мне сообщил о возможности вернуться, до сего дня, т. е. до 19 марта, не оправдались.

5 марта я получил телеграмму от Миши, в которой он спрашивал: «Куда и когда я думаю ехать». На эту телеграмму я ответил следующее. «Тебе известно, что мой отъезд в Персию был вызван волей твоего брата. Без категорических указаний, оставить место своего пребывания не считаю возможным. От кого получу эти указания – не знаю».

Я думаю, что иначе я ответить не мог. Но соваться на первых же порах в Петроград, как бы слишком радуясь тому, что власть, меня выславшая, провалилась, – было подсказано чувством простого такта. Я уверен, что ты меня поймёшь!

Да, притом я был убеждён и знал, что Вы все помните обо мне, и что если моё присутствие было бы необходимым, то, конечно, Вы бы меня известили. От Марии из Пскова получил тогда же телеграмму. По ней я увидел, что сестра спокойна. Кончалась её телеграмма так: «Пока советую оставаться». Эта фраза, конечно, поддержала меня в моём решении.

Конечно, обстановка меняется так быстро, события идут с такой головокружительной быстротой, что вероятно очень, что когда это письмо будет в твоих руках, – всё уже переменится.

Резюмируя всё сказанное, я думаю, что если ничего нового не будет, то я появлюсь на петроградском горизонте в середине апреля.

Да! Страшное время переживаем. Главное, что давит, – это, по-моему, чувство полнейшей неизвестности. Что ещё готовит судьба?

Главное знай ты и мамочка, что всем сердцем, всей душой с тобой и с Вами. Положительно не проходит минуты, когда мои мысли не шли к Вам, мои бедные, дорогие друзья.

Ужасно беспокоюсь относительно твоего здоровья. Главное береги себя и будь спокоен, на сколько, конечно, это возможно в наше время.

Ну, а засим крепко и нежно обнимаю Вас обоих. Будьте спокойны, не падайте духом и Богом хранимы!

Может быть теперь до скорого. Прощай, родной. God bless and protect you.

Дмитрий.

Казвин. Персия. 23 апреля 1917 г.

Дорогой и милый мой папа.

Это письмо доставит тебе офицер 2-го стрелкового полка штабс-капитан Михайлов. За все эти месяцы, что я в Персии, он неофициально состоял при мне, служа сам в бронированных автомобильных частях, где и заслужил свой крест.

За его скромность я вполне ручаюсь. Он малый неглупый, очень скромный и, видимо, искренно ко мне привязан. Если ты не хочешь многое писать, скажи ему на словах, он сумеет мне всё правильно передать и не напутает.

Ты знаешь, что моё последнее письмо было вскрыто в Баку тамошним Исполнительным Комитетом, о чём этот Комитет мне любезно дал знать официальным письмом, причём адресовал письмо «гражданину Дм. Пав. Романову». По счастью, «Комитет» ничего противоправительственного в моих письмах не усмотрел, и, следовательно, факт вскрытия моих писем – мне же в плюс, ибо даже с нарочным я не писал ничего предосудительного с точки зрения нового режима.

Теперь же «суди меня Бог и военная коллегия». Мне слишком надоело думать о каждом слове, и поэтому, в надежде на то, что шт. – кап. Михайлова не обыщут по пути, я рискну всё писать, как думаю и как чувствую.

Не боясь повторять сто раз одно и то же, я должен тебе сказать, что не проходит и часа, чтобы мысли мои не шли к тебе, тоскливо окружая тебя в бессильном желании тебе помочь. *Pas de nouvelles*, – говорят. И потому я утешаю себя мыслью, что ты не слишком падаешь духом с точки зрения личного состояния. Мой бедный, близкий друг! Какие тебе судьба приготовила испытания! Если нам, молодым, тяжело и больно, – что же должен испытывать ты, у которого гораздо больше опыта и, следовательно, житейского понимания.

А что больно смотреть на тот хаос, который кругом происходит, – так это верно. Больно с точки зрения национального самолюбия, с точки зрения человека, горячо любящего родину и желающего ей крепости и величия. Посмотри, что сделали с нашей армией? Ведь мы никогда не могли похвастать очень сильной и крепкой дисциплиной, но теперь же её совсем уж нет. Не надо забывать, что сила и сплочённость армии является характерным показателем военной мощи страны! Не могу от тебя, мой родной, скрыть, что я необыкновенно мрачно смотрю на будущее. Мы, по-моему, победить или разбить врага не сможем. Да и за что теперь мы дерёмся? Это ужасные вещи я говорю, но ведь это сущая правда. Ты вспомни только начало войны. Уже тогда многие говорили, что из-за маленькой Сербии не стоило было затевать такую невиданную войну. И тогда, я помню, мысль о том, что у нас, русских, наконец, осуществится наша

старая, историческая национальная задача – покорение Царьграда и открытие проливов, – одна способна была морально и даже физически материально компенсировать наши колоссальные затраты, наше громадное напряжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.